

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЮМОРА В «ГУЦУЛЬСКОМ» ТЕКСТЕ НАЧАЛА XX ВЕКА (на примере анализа новелл Игната Хоткевича и Ануфрия Манчука)

Исследуются художественные особенности «гуцульского» юмора в произведениях украинских писателей И. Хоткевича и А. Манчука. Сделан вывод об уникальной специфике использования юмора в «гуцульских» текстах, что дает возможность воспринимать его одновременно и как литературное художественное явление, и как элемент картины мира аутентичной гуцульской жизни.

Ключевые слова: Гуцульщина, «гуцульский» текст, жанры юмора, новелла, гуцульская ментальность, поэтика.

Гуцульщина в украинской литературе первой трети XX в. представлена достаточно большим количеством художественных произведений, авторы которых стремились как можно совершеннее раскрыть жизнь и быт жителей Карпатских гор и полонин: одни из них увлекались «экзотической» стороной величественного края, будучи его гостями, стремились воплотить этот взгляд на Гуцульщину на страницах своего творчества. Другие же, из колыбели взлелеянные родной горной местностью, очаровывали читателей генетической гуцульской энергетикой прозы, поэзии и драматургии. Гуцульщина появляется в их произведениях в разных ипостасях, прежде всего как своеобразный живой организм, который со временем растет и развивается, приобретает «зрелый» вид, достигает в процессе своего формирования нужного ума и мудрости. В таком понимании юмор, будучи неотъемлемой составляющей жизнепространства всего «разумного», логично становится неотъемлемым элементом существования Гуцульщины.

Именно на начало XX в. пришлись наиболее тяжелые годы в истории целого человеческого общества: события Первой мировой войны оставили непоправимые знаки на судьбе многих жителей Европы, в частности, и на гуцульской жизни. Поэтому на страницах художественных произведений этого периода на гуцульскую тематику зафиксировано мало юмористических моментов, которые бы касались жизни гуцулов. Однако не стоит полностью отрицать наличие целого ряда произведений, где объектом исследования становится юмор в многочисленных его разновидностях. Больше всего Гуцульщина юмористическая появляется в «Гуцульских рассказах» Игната Хоткевича и «Жибьевских новелл» Ануфрия Манчука.

Цель статьи – исследовать художественные особенности использования гуцульского юмора на страницах произведений И. Хоткевича и А. Манчука на гуцульскую тематику, сделать выводы об особенностях использования элементов юмора для характеристики Гуцульщины юмористической как литературно-художественного явления, которое дает возможность полноценно постигнуть всю картину существования тогдашней жизни жителей горного края.

Все гуцульские рассказы И. Хоткевича построены на основе впечатлений от увиденного и услышанного писателем во время путешествия по Гуцульщине. С точностью корреспондента писатель стремится воссоздать все чувства, эмоции, целое: «І тільки потім, поживши трохи на Гуцульщині, я зрозумів, що не всі думки, які здаються геніальними, є такими в дійсності. І що треба було бути зовсім сліпою людиною, щоб думати, що в Чорногорі можна йти от так собі, як на проспект»¹.

Таким образом «развенчивается» культ гениальности нарратора, которого читатель должен воспринимать больше как человека интеллигентного, образованного, однако полностью неопытного в общении с гуцулами. Своеобразным доказательством этой позиции является диалог двух гуцулов, из которых, как оказывается, на удивление автора, один, несмотря на физическое несовершенство, является сильнее, то есть так называемым «стопроцентным гуцулом», а следовательно, его мысль достойна большего внимания здесь, в горах: «А Соломійчук хіба не горець, хіба не стопроцентовий гуцул? І виходило, що ні. Він більше в селі, а оцей у полонинах, у властивих горах, так би сказати, в горах у квадраті»¹.

Оценивая диалог гуцулов, автор дает возможность читателю сыронизировать по поводу

собственно авторской искренней наивности. Становясь объектом иронии, а не насмешки, не перетягивая при этом юмористический акцент рассказа, герой вспоминает во всех мелких подробностях веселые эпизоды своего путешествия по горам Гуцульщины.

Ситуация непонимания гуцульских обычаев и верований описана автором в шутовском тоне в рассказе «Волшебная палка». За объект юмора в нем выступают гуцулы и непосредственно автор, который мимоходом в горах нашел, как оказалось позже, «волшебную» палку, вокруг которой и разворачиваются все дальнейшие события. При этом рассказ в произведении построен таким образом, что и нарратор-интеллигент, гость Гуцульщины, и читатель почти до конца развития сюжета не понимают, чем обычная деревянная палка так сильно заинтересовала гуцулов. Автор таким неторопливым развитием событий заинтересовывает в неминуемой интересной развязке. С улыбкой вспоминает он моменты путешествия по горам, когда, наслаждаясь пейзажами, смакуя чернику, даже не осознавая самого события, автор случайно палочкой дважды убивает змею: «Не роздумуючи довго, я копнув змію по голові і якось так зручно вийшло, що вона покрутилася-покрутилася й своєму зміїному богу душу оддала»². «І треба ж такого випадку, що на камінь вилізла змія і знов я, мало здаючи собі справу, копнув її тою ж паличкою по голові і знов удачно»³. В связи с ненужностью он выбрасывает ее среди других палок в горном лесу.

Такая достаточно серая, казалось бы, ничего не значимая завязка, приобретает в дальнейшем быстрое развитие сюжета. Все подробности дальнейшего разговора нарратора с гуцулами преисполнены неподдельным юмором, где автор невольно становится объектом достаточно необычной иронии судьбы: он видит со стороны гуцулов неподдельное разочарование, а мы, со стороны реципиента, видим его шутовское сочувствие.

Комичности ситуации добавляет диалог двух персонажей – старого гуцула и нарратора-интеллигента, которого внимательно слушают гуцулы и одновременно за ним наблюдает реципиент. Фактически это разговор двух людей, которые не понимают каждый в своей форме самой сущности беседы. Такой своеобразный метод «инакоязычия» добавляет комичности ситуации: «Дивлюся – один гуцул, найповажніший, найстаріший, манить мене пальцем убік. Я відходжу. Він нахилиється до мого вуха

й шепоче. – Кіко?.. Я витріщаю очі. Він мене питає – скільки? А чого скільки? Чи за віщо скільки? Не розумію. Я не торговець, нічого не продаю... – Чого скільки, гідочку?.. Гуцул киває головою – мовляв, і пощо дурака валять? Ніби й не знаєш?»⁴.

Исходя из этой ситуации, стоит заметить, что событие для гуцулов, которое состоялось в лесу, является очень важным: на «торг» идет самый старый, опытный гуцул, он должен выторговать «волшебный предмет», а невежество рассказчика по этому делу он считает своеобразной игрой, которую играют на базаре, чтобы набить стоимости товара.

Перед читателем рассказчик появляется с открытыми мыслями – он не прячет свои мысли, пытается понять необычный торг, наивно в надежде на адекватную оценку поведения со стороны старого гуцула. Однако тот, узнав о потерянной «волшебной» палке, все свои эмоции выражает на лице: «На обличчі діда перестрах, здивовання, розчарування і бажання вдарити в пісок»⁵.

Наивысший момент эмоционального напряжения в рассказе – это психологическая реакция старого гуцула на услышанное. Гуцул не в состоянии постигнуть невежества интеллигента-писателя, который оказывается совсем неосведомленным в знании верований и обычаев Гуцулии. С детской наивностью обращается нарратор с просьбой об объяснении причин такой заинтересованности палкой к старому гуцулу. В манере ответа деда раскрывается истинный характер жителя Гуцульщины: весь свой предыдущий запал, горячность старый гуцул тратит на поиски утерянной палки, а для рассказчика-интеллигента у него остается лишь «милость» объяснения: «Єк у водним дни хтос три галиці⁶ заб'єт і кожен раз з одного маху, так тов. палицею мож градові хмари видертати»⁷.

Такая гуцульская «милость» усиливается эффектом комичности путем собственного авторского замечания и сравнения со сказочным персонажем, который самостоятельно не сумел понять важность состоявшегося события: «А я зостався, як дурний Іван-царевич, у якого «по усам текло, а в рот не попало». Таке рахувати, багатство було у руках – і не вмів користати! Вже ж дві було убито, ще б третю копнув⁸– і міг би всю Гуцульщину в руках тримати. Дурень, дурень!.. Сказано – пан»⁷.

Собственно авторская оценка является своеобразным резюме всей интересной истории о

«волшебной» палке. Становясь объектом смеха, обвиняя себя в незнании, вызывая такими сравнениями шутовское сочувствие со стороны реципиента, автор стремится в ненавязчивой форме для читателя раскрыть и охарактеризовать народные обычаи и обряды Гуцульщины, а также объяснить свою заинтересованность людьми этого края желанием учиться всю свою сознательную жизнь.

Собственно гуцульский юмор, зафиксированный на страницах гуцульских рассказов И. Хоткевича, поражает своей остротой и спецификой Это юмор людей, которых вся окружающая действительность, нелегкая жизнь среди природы, общественные неурядицы закалили и прибавили остроту во всю их внутреннюю сущность. И. Хоткевич стремится доказать читателю, что эта острота восприятия действительности для других членов общества может быть слишком острой, не обычной. Так, характеризуя внутреннюю сущность гуцула и его жизнь, в качестве символического примера И. Хоткевич в образке «Гуцул» наводит многозначное сравнение: «Гусленку споживає таку, що сидиш ти на третім верху, а й тобі, дивлячися на гуцульський сніданок, очі рогом лізуть та оскома зуби дре – таке воно кисле. А гуцулові саме тоді в смак»⁹. Имеем ярко выявленные вкусовые впечатления, которые помогают воссоздать особенную сущность гуцула, – его внутреннюю стойкость.

Свидетельством наивысшей остроты всех гуцульских чувств, в том числе и юмора, есть упоминание о так называемых «гуцульских» конфетах, которые «вкинеш у рот, то мов десять котів тобі заскребуть у горлянци»⁹. Именно такой юмор и такое жесткое отношение к жизни дают возможность с помощью собственно «гуцульского» юмора переживать не только большое горе, самую страшную потерю в жизни, смерть ближайших, но и преодолевать муки боли, терпеть во имя торжества гуцульской правды жизни.

В гуцульских рассказах И. Хоткевича можно отыскать элементы и такого, «другой», «неинтеллигентной» разновидности юмора. Так, в рассказе «Пожарище» побочной, но достаточно существенной деталью, является наличие скатологического юмора¹⁰. Этот вид юмора даже в полностью трагической ситуации (действие происходит на пожарище сгоревшей гуцульской усадьбы, где «ищут» интересные вещи малые дети; они ковыряются на пожарище и по-детски, искренне без всякого намека

на трагедию, с юмором реагируют на все события, которые происходят вокруг), является просто «обычной историей» и способен вызывать невольную улыбку у любого человека. Символическим содержанием наполняет автор непосредственно момент пребывания на пожарище детей, а детский смех, который звучит в неестественной ситуации, добавляет полностью трагической картине оптимистичного звучания: «З реготом розбризнулась громадка, а потім знов прикучула собі коло чогось на пожарищі. Не журяться. Знають, що перед ними життя, що набудують ще багато хат. Виростаєте ж, виростаєте, сараки! Та будуйте високі хати! З вікнами, що си втворюють. Та сикують, творючи нове життя на попелищах старої допатріархальної культури!»¹¹.

Характеристика разновидности «инога» гуцульского юмора имеется в образке «Гуцул». Автор с удивлением фиксирует достаточно необычное для других событие, когда с помощью несерьезного восприятия действительности гуцулу удается вытерпеть и победить невероятную боль: там, где другой мужчина потерял бы сознание от жуткой и неимоверной боли, гуцулу удается с юмором «рівно душним голосом» рассказывать, «як у нього знайшлося теля, яке воно на масть ще й біла зірка на лобі...»¹². В психологическом смысле перед читателем появляется человек, способный не просто терпеть боль, но и находить те моменты повседневной жизни, которые могут удивить, рассмешить, одним словом, отвлечь внимание нарратора и реципиента от реального события.

Однако наибольшее количество примеров собственно «гуцульского» юмора характерны для «Жиbieвских новелл»¹³ Ануфрия Манчука, гуцула-«самородка», который «был сыном своей земли и родной стихии... и знался на всем, что было гуцульским, знал хорошо гуцульскую ментальность... а значит как носитель гуцульского способа мышления и мировоззрения «делал» свои новеллы также «по-гуцульски»¹⁴.

Это короткие уникальные аутентичные свидетельства «из первых уст» всех важнейших моментов жизни гуцула, которые выступают в качестве яркого подтверждения неопровержимого присутствия юмора в жизненном гуцульском мировоззрении. Как и в целом гуцульская жизнь, юмор, показанный в произведениях писателя-гуцула является от начала неоднозначным и неоднородным. Необходимо заметить на том, что все представленные новеллы написаны жиbieвским говором¹⁵, которым в совер-

шенстве владел автор и не считал нужным кодифицировать в письменном виде диалектную форму. Стоит вспомнить мнение И. Франка, который в свое время выделил такое литературное явление, как появление «литературы на диалектах». Будучи настоящим учеником Марка Черемшины и В. Стефаника, зная в совершенстве на генетическом уровне язык родной Гуцульщины, А. Манчук удачно пользовался художественными приобретениями гуцульского диалекта, чтобы более правдоподобно воссоздать всю атмосферу тогдашней гуцульской жизни первых десятилетий XX в.

Заметим, что в гуцульских рассказах и И. Хоткевич также использовал частично к гуцульский диалект – все его гуцулы-персонажи говорят настоящим аутентичным языком Гуцульщины. Чего стоит его эмоционально наполненная оценка: «Наша мова багата, цвітиста, розмаїта; скілько відтінків, скілько краси в її говорах – і скілько перед літераторами лежить вдячної, хорошої роботи – з'єднати то все в одну багату, красиву, могутню мову!»¹⁶.

Среди представленных новелл сборника, большинство из которых носит юмористический оттенок, есть произведения, которые представляют собой юмористическую шутку, или юмореску («Храм», «Челидина»), сатирическую новеллу («Фигли»), юмористический рассказ («Француз»), шуточную историю («По-забавил», «Пасха») и пр. Остроты рассказа добавляют элементы черного юмора, имеющиеся в рассказах «Заробок», «Непростой мертвец», «Лесная девушка», «Дохторе!». Все они являются собой «совершенный литературный комплекс, который представляет гуцула в разных жизненных ситуациях»¹⁷.

Так, рассказ «Непростой мертвец» углубляет читателя в колоритный мир гуцульской жизни, преисполненной острого «инога» юмора, который выступает его неотъемлемым элементом. Произведение построено на народных гуцульских верованиях, где «непростым» считался тот человек, который имел связь с потусторонними силами. В соответствии с выполняемыми функциями в народном воображении «непростые» люди разделялись на две категории: тех, которые связаны с «божьей силой», полезных людям, и вредных, что имеют свою силу от нечистого¹⁸.

В данном случае имеем интересную историю с элементами черного юмора о «непростом» мертвце, гуцулке, которую не могли похоронить должным образом, потому что во-

круг нее происходили достаточно «непростые» вещи. В представлении присутствующих гуцулов создавалось впечатление, что, даже находясь в состоянии умершей, она протестовала против естественной смерти: мстила всем, кто ее хоронил, то есть имела сверхъестественные способности, благодаря которым из того света руководила миром реальным.

Автор подает детализированное описание всех приключений, которые происходили вокруг старой гуцулки. Именно огромное количество таких приключений не дает возможность осуществить должным образом обряд захоронения, который предусматривал определенную последовательность традиционных элементов. Устоявшиеся гуцульские народные традиции начала XX в. предусматривают так называемый дуализм: переплетения искаженных дохристианских и христианских верований, между которыми фактически не существовало непроходимого барьера, они были двумя степенями одного и того же мировосприятия и миропонимания.

Что же «юмористического» происходит в «Непростом мертвце»? Оказывается, здесь присутствует вообще ситуация абсурда, характеристика которой укладывается в пределы «черного» юмора – там, где в соответствии с верованиями гуцулов, должны осуществляться все обряды захоронения, уже от самого начала алогичные относительно христианской религии и морали, развивается событие, которое не укладывается даже в рамки традиционных языческих верований.

С неподдельным юмором описывает автор события, происходящие со всеми гуцулами, которые были на захоронении. Рассказ в произведении ведется от имени нарратора, благодаря непосредственным комментариям которого чувствуется близость его к той истории и событиям, которые происходят. Не изображая ни одной предыстории, которая бы раскрывала причины смерти или характеризовала умершую, автор сразу направляет взгляд читателя в водоворот «необычных» событий: «Вже відразу видко стало, шо то непростий мертвец. Хто лиш на ню глипнув, то ше тої самої днини мусів мати якусь причьку»¹⁹.

Относительно традиционных гуцульских обрядов, то на причине их отсутствия также автор сосредоточивает внимание читателя: «І тому кожний, хто увійшов знадвору і клекав молитися, а глипнув з-ненападу на бабу, зараз перерива молитву, будь-ек простивси, тікав на-

двір, або ховався в кут і три рази в пазуху плював... Ні грушки ніхто не бив, ні галембізи не йграли».

Юмористического звучания предоставляет достаточно большое количество сравнений и речевых оборотов, употребленных в новелле, например у дьяка из молитвенника «букви гет вискакують ек бліхи з ліжника, коли сонце пригріє». Абсурдность представления непосредственно самой ситуации заключается в том, что весь рассказ пропитан народным юмором с оттенком черного, ведь все «смешные» события происходят после смерти старой гуцулки, соответственно, и хоронят на кладбище ее «по-смешному», при чем все участники событий переживают невероятный страх за собственную жизнь.

Автору удается передать эмоциональную атмосферу такого «непростого» захоронения, когда «смешные» события, которые в другой ситуации воспринялись гуцулами без чрезмерной эмоциональной нагрузки, вызывают ужас в собравшихся. Например, как в ситуации из «витрембуванням», когда Грицько-трембитах вместо мелодии захоронения заиграл на традиционном гуцульском инструменте трембите веселую мелодию. Внутренний мир персонажа передан через оценку его действий непосредственно нарратором: «Грицько пустив трембіту з рук і стоев ек пень, лиш губи му трохи дрижали. Люде си тисли до него, обступили наоколо і дивилися, ци не вдурів чесом. Не зараз проговорив старий Грицько. Постоев ще трохи, обтер відтак губи, плюнув три рази в пазуху, узев трембіту під плече тай пішов собі д'хати. І аж на перелазі вчули люде, ек у погані шляки заклев покійну бабу, шо'му такого фігля зробила»²⁰.

В дальнейшем рассказ в новелле построен таким образом, что все «ужасающие» события, которые происходят вокруг захоронения старой гуцулки, в собравшихся вызывают негативные чувства нереального страха. Однако автор «приглушает» мистический эффект народного ужаса от увиденного юмористическим описанием подробностей этого события. Создается впечатление, что рассказчик так же, как и другие гуцулы напуган событиями, состояние нервного напряжения его на столько сильное, что поневоле все трагические события ему удается пропустить через призму народного юмора. Так, описание самого захоронения у читателя вызывает лишь смех, и читатель не осознает сам, что ситуация одно-

временно трагическая и абсурдная: «Деревишше»²¹ гепнуло на земню і махнуло у долини ек куля. Передному, шо ніс хрест, підорвало ногу, аж пирс під пліт... Скриня з бабов то боком, то підскакуючі, понеслась в долини ее вітер і на закруті пропала. Ше декотрі казали, що виділи, ек баба, колиси зробила за лісом, вже сиділа в скрини і в руки плескала»²².

Причины, по нашему мнению, такого своеобразного «сочетания несочетаемого» в произведении – юмора, смеха и смерти, необходимо искать непосредственно в психологии каждого человека, наличия определенной защитной человеческой реакции, где такого рода смех, юмор имеет вспомогательный эффект спасения собственного сознания от чрезмерного количества негативной информации.

Таким образом, подавая художественный материал, автор своеобразно раскрывает достаточно интересный аспект гуцульского сознания, когда гуцул даже в трагическом стремится получать как можно больше ярких эмоциональных впечатлений. В данном случае последствия смерти такого «непростого» человека «заполнили» эмоциональный «голод» на события в селе. Именно благодаря черному юмору автору удалось удовлетворить потребность поиска ярких эмоций в жизни гуцула. Между строками текста произведения прослеживается мнение автора о том, что будничность жизни гуцула поражает своей серостью и непривлекательностью, а смерть как общественное явление, тем больше смерть «непростого» человека, вызывает целый массив как позитивных, так и негативных эмоций. Именно поэтому, при чтении такого вида новеллы каждому реципиенту в то же время становится весело и жутко, ведь события происходят таким образом, что способны привлечь и оттолкнуть в то же время, создается парадоксальный эффект сосуществования в тексте вместе слез и смеха. Это те эмоции, которые остаются надолго в памяти каждого человека, ведь в реальной серой повседневности на проявление таких эмоций не хватает времени. Причем своей силой и функциями эти эмоции одинаковы: они способствуют снятию телесно-эмоционального напряжения, а их сочетание усиливает эффект впечатления от событий, показанных в произведении. Именно этой психологической особенностью удачно оперирует писатель в «Непростом мертвеце», выстраивая его событийность.

Резюмируя, стоит отметить художественные особенности юмора в «Гуцульских расска-

зах» И. Хоткевича и «Жибьевских новеллах» А. Манчука. Не сосредоточивая внимания на художественной стороне представленных произведений и не ставя ни одного из авторов в разряд «менее значимых», сконцентрируем внимание на текстуальном аспекте восприятия особенностей их юмористического творчества. Гуцульщина юмористическая у обоих писателей появляется полноценной составляющей мегаобраза Гуцульщины начала XX в. Образы смеха, мотивы, фрагменты, сюжеты являются взаимодополняющими элементами юмора гуцульского края, что позволяет реципиенту объективно воспринимать прошедшую действительность. Поэтому не стоит искать лучшие художественные качества в произведениях представленных писателей, это разный юмор за своей сущностью и источником происхождения.

Гуцульщину юмористическую воспринимаем с двух сторон: в первую очередь, с позиции интеллигента, человека, который приехал из города, стремится как можно скорее «слиться» с жителями-гуцулами. Это так называемый «чужой» взгляд на Гуцульщину, который четко сумел зафиксировать все процессы, что происходили в гуцульском селе начала XX в. Этот взгляд на Гуцульщину юмористическую можно увидеть в «Горных акварелях» и «Гуцульских образках» И. Хоткевича. Из позиции «чужестранца» И. Хоткевич стремится постигнуть все величие и красоту Гуцульщины, исследовать первопричины тяжелой и нищей жизни гуцулов первых годов XX в., потому и уделяет он юмористическому аспекту восприятия действительности гораздо меньше внимания, однако не исключает его вообще из гуцульской жизни.

Поэтому в «Горных акварелях», «Гуцульских образках» юмор присутствует и должным образом воспринимается как неременная составляющая гуцульского мира.

Гуцульщина юмористическая в И. Хоткевича появляется в двух разных измерениях. Во-первых, юмор в гуцульских рассказах писателя возникает на грани столкновения двух культурных миров и традиций, где объектами юмора становятся как гуцулы, так и непосредственно автор в качестве представителя «чужого» для гуцулов мира. Второе измерение – это наличие в его произведениях «стопроцентного» гуцульского юмора. Он звучит в репликах самих гуцулов, автор фиксирует их поступки и остроумные замечания и комментарии, ко-

торые раскрывают перед глазами реципиента совсем «другую» культуру смеха. Однако не будучи собственно гуцулом, И. Хоткевич фиксирует эти вспышки гуцульского юмора фрагментарно, не ставя специально за самоцель рассмешить читателя.

Совсем другую сторону восприятия Гуцульщины юмористической можно увидеть в «Жибьевских новеллах» А. Манчука. Будучи «стопроцентным» гуцулом, писатель в произведениях показывает собственно «гуцульский» взгляд на жизнь. Автор-гуцул доказывает существование специфического «гуцульского» юмора, не останавливается во время его фиксации на литературном корректировании его особенностей. Этому способствует и диалектный язык, и стиль написания всех произведений. Некоторые из его новелл, размещенные в сборнике, имеют целью не только открыто рассмешить читателя, но и побудить к непровольным размышлениям о специфических особенностях именно такой аутентичной юмористической Гуцульщины.

При этом нельзя утверждать, что в юмористических произведениях А. Манчука совсем отсутствует социальный аспект или не определяется особенности времени, места события. Его легко воссоздать с помощью отдельных деталей, тогдашняя действительность проступает в юмористических произведениях А. Манчука штрихами. Писатель ненавязчиво констатирует, что жизнь вокруг не является сугубо такой веселой, преисполненной юмора и остроумного смеха. Именно поэтому отдельные его, казалось бы, юмористические произведения преисполнены черного юмора. Иногда события, зафиксированные в текстах, разворачиваются или в фантастическом ирреальном мире, или и в реальности на грани абсурда и логики. Автор четко фиксирует моменты, которые позволяют «по-другому» воспринимать сущность гуцульского мира, которая может показаться интеллигентному читателю совсем абсурдной. Становясь объектом смеха, гуцул в произведениях А. Манчука не осознает этого процесса, с искренней непосредственностью пытается убедить себя и собеседника в своей правде, сугубо гуцульской. Поэтому и юмор воспринимается в произведениях писателя-гуцула прежде всего не просто как явление всеобщей культуры смеха, а как элемент картины мира гуцульской жизни.

Именно поэтому «гуцульский» юмор в произведениях И. Хоткевича и А. Манчука являет-

ся неотъемлемой ключевой константой всестороннего восприятия Гуцульщины начала XX в. как составляющей украинского этнического пространства.

Примечания

¹ Хоткевич, Г.М. Твори. X., [1928]. Т. 7. Гуцульські оповідання / ред. і передм. А. Березинський. [Б. м.] : [б.в.], 1931. С. 217. Тут и далее по тексту сохраняем авторскую стилистику и язык произведений, которые написаны диалектом.

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 226.

⁴ Там же. С. 227.

⁵ Там же. С. 230.

⁶ Змеи.

⁷ Хоткевич, Г. М. Твори. Т. 7... С. 228.

⁸ Убил.

⁹ Там же. С. 111

¹⁰ С англ. toilet humor.

¹¹ Там же. С. 103.

¹² Там же. С. 113.

¹³ Название сборника произведений происходит от старого названия местности, где они были написаны, – Жибье, ныне это г. Верховина Ивано-Франковской области в Украине.

¹⁴ Гречко, І. Замість передмови // Манчук, О. Жьиб'ївські новелі. Боффало, 1992. С. 9.

¹⁵ Одним из видов гуцульского диалекта, распространенного на Верховине.

¹⁶ Хоткевич, Г. Збірка Юрія Кміта «З гір» // Літературно-науковий вісник. 1908. Т. 41. С. 442.

¹⁷ Гречко, І. Замість передмови... С. 8.

¹⁸ Гуцульщина: Історико-етнографічне дослідження. К., 1987. С. 48.

¹⁹ Манчук, О. Жьиб'ївські новелі. Боффало, 1992. С. 48.

²⁰ Там же. С. 49.

²¹ Гроб.

²² Манчук, О. Жьиб'ївські новелі. Боффало, 1992. С. 51.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).

Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 139–143.

И. В. Войтецук

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ВОДА» (на материале немецкого и русского языков)

Рассматриваются закономерности речевой объективации концептов. Особое внимание уделяется описанию коммуникативно-номинативных характеристик научных и художественных текстов, их влиянию на выражение той или иной концептуальной информации. Определяется место концепта «вода» в научной, наивной и художественной картинах мира.

Ключевые слова: *концепт, функциональный стиль, научный и художественный тексты, способы научного, наивного и художественно-образного познания мира.*

Двойственная природа человеческого языка, существующего в виде кода, системы, и его контекстуальной реализации, речи, делают актуальным описание речевого аспекта объективации концептуальных единиц.

Особенности речевой объективации концептов проявляются в продуктах речи – устных и письменных текстах. Текст представляет собой линейную последовательность языковых знаков, каждый из которых покрывает часть того или иного концептуального содержания. Образуя смысловые отрезки (словосочетания, предложения, абзацы) в пределах цельного

текста, знаки и объективируемые ими концепты вступают в отношения, соответствующие отношениям предметов, явлений реального, идеального мира, отраженным сознанием. Другими словами, текст эксплицирует упорядоченную систему концептов, количество которых зависит от величины линейной последовательности и новизны содержания представленных в ней знаков.

Понятие текста, однако, далеко не исчерпывается его структурно-знаковым уровнем. В лингвистических определениях этого термина акцент ставится на коммуникативной и